

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Перестройка, начавшаяся в стране и коснувшаяся всех сторон жизни, поступала в душу, сердце каждого из нас. Пытались до-попому решать экономические, социальные вопросы, человек постоянно сталкивается и с нравственными, отвечать на которые необходимо, соотносится с духом времени.

Начу с общеизвестного: трудно составить идеально сбалансированный план, организовать строительные работы

так, чтобы все звенья действовали четко, как в часовом механизме, но, пожалуй, еще труднее разбираться в человеческой сути. К сожалению, никто еще не предложил безупречных тестов, где бы от суммирования простых «да» и «нет» напротив контрольных вопросов можно было безошибочно определить суть человека. А как бы не помешало иметь ключ хотя бы и решению тех психологических, нравственных проб-

лем, которые возникают наиболее часто.

И все-таки, что если попробовать смоделировать наиболее типичное и подкасающее ключи решения... А в помощники призвать пьесу Владлена Дозорцева «Последний посетитель» и одноименный спектакль, поставленный в Русском драматическом театре в Минске режиссером Валерием Маслюком.

диктатуры честности. Суть теории не нова. Вот как ее излагает сам Ермаков:

— Вы не понимаете одной вещи. Есть закон больших чисел. Это не так, это — где-то здесь. Между прочим, самый демократичный подход к делу: все — в интересах большинства. Можно думать о человеке, а можно — о людях. Что важнее? Вот у тебя тонет десять пионеров, а

И апеллируют эти дельцы и большим конечным результатом, и прочим большим цифрам, потому что именно за безусловным громадом наших общих целей в наибольшей степени удобно им укрыться, отвлечь внимание от мелкобуржуазности собственных помыслов. Проникновение таких людей в коллективы, их имитационная деятельность крайне опасны для морального здоровья других. Деятельность вооруженными современными знаниями мещан в той или иной микросреде, обстановке, которую они создают своим «двоемыслием», может даже на какое-то время тем, кто соприкоснулся с ними, надеть черные очки на глаза.

Жесткие слова обращения на XXVII съезде КПСС в адрес тех, кто тягит в новую жизнь старые пороки: бюрократизм, двурушничество, эгоизм, ничтожество, неискренность, что мешает нашему движению вперед.

О таких людях говорит советские устами посетителя: — Ваш нельзя иметь дело с мещанин, потому что для жизни одного человека ничего не стоит. У вас вот такая (показывает) дыра в этике. И я вам не верю! Не можете вы больше интересоваться большинством — вы ими только прикрываетесь! Нет никаких законов больших чисел — есть импрессионный марксизм и восторг чиниковки!

Ключ третий:

О Монблане карьеры и подлинных ценностях

Управленческий аппарат, реорганизация которого идет сейчас интенсивно, притягивает внимание общественности. Как смело вырываются на его этажи свежее ветры, что изменяется здесь в глубинных процессах? Какие тенденции, привычки изменяются, какие задачи решаются?

Эти проблемы, выкристаллизовавшиеся в ходе общественного созерцания, ставятся и литературой, и театром. Посетитель через всю пьесу проводит мысль автора о том, что демократизация управленческого аппарата, максимальная гласность в его работе — один из тех инструментов, который поможет избавиться от наносного, мешающего нам.

Казимир на протяжении всей пьесы задает однотипные вопросы: «Простите, вы кто?» «Почему именно вы, которого никто не посылал?» «Что вы за дело делаете?» «Вы из сектора народного контроля?» «Можно ли депутат?» «Вы на депутат?»

А ведь не это должно беспокоить — Андрей Андреевич, а

суть проблемы, с которой пришел посетитель, поиски путей ее разрешения. Но что-то решить здесь, прямо в кабинете, не в его традиция. «Ну, вы знаете», — торопит Казимир посетителя с рассказом, чтобы перепоручить, а значит спустить по привычной колее равнодушного чиновничества «середняков»: «Что у вас — приспосабливает? Препарат? Метод?» Сто раз об одном и том! Неинтересно! (Помните? Он уже давно устал от дел!)

Так поступает он с теми, кто пришел по личным вопросам, а с теми — кто по государственным? Посетитель за Казимиром отвечает нам на вопрос, как он ведет себя в другом случае: «Вы же ничего не договариваете до конца! Вы когда-нибудь до конца пробовали?»

В том-то все и дело, что не пробовал, потому что «до конца» — это уже атака, бой, а результат может быть разным. Казимир же взошел во «второй кабинет министерства», чтобы вести беспроигрышную личную игру.

Нарушая эту жизнь: одноуровнево сторожить Монблан карьеры и вести корабль через кипучее море общественных дел. Такое разделение усилий в работе не способствует. На плаву уже удержаться можно, а вот управлять — вряд ли. Ну покатаются такой по волнам — за это ему современники, естественно, не скажут спасибо, а потомки и вовсе поднят: как же так, человеку были предоставлены большие полномочия, чтобы помочь обществу сделать шаг вперед, а он от этого отказался, употребив всю энергию на то, чтобы удержаться под собой ступ. Какая мелкая и скучная жизнь!

Да и себе надолго не обманешь. Рано или поздно придется ответить на вопрос: «Что же это было — моя жизнь?» Посетитель размышляет об этом так: «...Я вот ни накому выводу пришел: жизнь состоялась, если она была системной, а не беспорядочной. Но моя-то прошла, а твоя-то ведь удержалась. Почему и ничего не боюсь? Потому что знаю, как хочу жить. Я хочу наладить порядок...»

Вступая на руководящую должность, человек должен иметь выделяющие его среди прочих способности. Беря бразды правления в свои руки, он обязуется добиваться успеха в руководимом деле, становиться еще в большей мере социально ответственным лицом, подлинным инструментом диктатуры коммунистической совести.

Именно к ней, диктатуре нашей совести, и обращается автор пьесы. Проблемы, которые затронуты им, перемены, к которым мы стремимся, касаются всех нас, руководителей и нераководителей. Они наши, общие. Как и дело, которому мы служим.

В. МЯСЛОМ

ДИКТАТУРА СОВЕСТИ

Ключ первый, или Кто-то о нравственной арифметике

Фабула сценического действия необычна. К высокому начальнику, заместителю, без пяти минут министру, а день придет посетителя. И предлагает Андрей Андреевич Казимир оставить свой пост. Если судить по высоким меркам нравственности, считает посетитель, Казимир не имеет права занимать руководящую должность, принадлежит которая может только истинно честному человеку, имеющему подлинное убеждение, а не декларирующему их лишь потому, что и этому обязывает положение.

Серьезное обвинение. И мы к нему относимся понемалу настороженно, отлично понимая, как сложно принимать реальное, земного человека и максимализму дозугос. Жизнь сложна, и каждый из нас, как говорится, читает ее с листа. Бывает, что и заканчивается...

Возникает извечный вопрос: имела ли мы право на ошибку? Как поступать с пресловутой ложной датой в бочке меда? Как научиться отличать ошибки роста, которые лишь закалили личность, от трусости, себязливости, от застенчиво легко камуфлируемых компромиссов, от агрессивной некомпетентности — короче, всего того, что безусловно ведет к деградации социально здоровой личности.

Автор пьесы предлагает нам решить вместе с его героями подобную нравственную задачу.

— Я пришла на пустое место, — отставала себя, промозглое горький монолог хирург Казимир, — а это Центр (занимаясь вертолестроительной) немалыми силами, как станки с вердой... Возле распахнулись. Никто не верил, что можно. Мне не давали людей на станки. Вы деловые интеллигентны! Вы знаете, что был мою первую пациентку?.. Это контрабандой легли люди. Женщина, которая стала моей женой. Она родит с легкой заплатами в груди... Когда ей в зарыва зарты оставалось несколько дней... У меня на девять годов практику — ни фариат, это от чего? От того, что и инсай выгод? В Центре есть еще люди, с которыми я работаю... вы их спрашивайте!

— Да, многие годы подряд, ночью и днем профессор Каз-

мин резал живую плоть, «которые стремились умереть». Выкрикивал, летал, шип по локоту в кром.

— Аortenпластина — это на зубы сверлить, — возмущаясь, продолжает он, — у вас на дорте — вот такой задутый, такой вешон с колоссальным давлением кровя в стенку. И стенки все тоньше и тоньше. И это уже — бомба в груди! И надо ее обязательно вырезать. И вышивать нисон лавлана. И потом вдувать в человека слабую жизнь. А у него — отторжение, некростение, тромбоэмболия, удушье...

Усилий во имя блага человека общество не могло не заметить. Работа врача выдвигается на Государственную премию. Тут-то и таится вульгарная тенденция кривляния событий. Заявляя свой монолог о лучшем, что сделал в своей жизни, Андрей Андреевич завлекает, что устал.

Стоп! Вот она та грань, тот поворотный пункт, с которого все началось.

Итак, человек устал, достигнув трудовой, заветной цели. Его можно понять. А посему дальнейшая честная логика событий должна была бы развиваться приблизительно так: Казимир переезжает на новое место работы, соответствующее его ослабшим силам, но где можно быть по-прежнему полезным людям, хотя бы тем, чтобы своим авторитетом помогать полным энергией специалистам датить дело вперед.

Но а том-то и суть, что слабеющая почта, внимания, преклонения, которые возводятся за одними достигнутые, столь велики, что человек решает задержаться (ведь имеет право!), остаться (а почему бы и нет!) на высоте. Что же касается дальнейшей расстраты собственных сил, энергии — то из стоишь поберечь (сколько же можно!).

С изменением философии личности меняются и поступки. Теперь Казимир оперирует большими, которые после операции, он уверен в этом, извлекает стопроцентно, и не рискует брать на себя сложнейшие. Дальше — больше. Всем правдами, а в основном неправдами, Андрей Андреевич экзотично старым молодого журналиста, первым увидевшего его перерождение, и позволяет оклеветать поношу — «сломайте в одну жизнь. По законам цепной реакции дальдом». Казимирным появляются люди, внимаю-

щие опыт в подобный манипуляционная, меняется тактика действий, и в ход идет специфическое оружие — артистизм, фиктивные, разнокалорийные демагогии, умело поаноживая на авторитет должности, хитрые адвокатские приемы по отношению к своей персоне.

...Не раз жизнь заставляла каждого из нас надевать маску судьбы. То ли надевшие с собой решать, прав или неправ другой человек, то ли высказываться публично. Оз как трудно решается тогда дилемма: как быт с плюсами и минусами в таблице ой успеваемости («подсудимого!») Чего больше? Что паразити? В мучительном поиске находится и посетитель. Но, подвергая анализу нравственную коллизию, он находит ответ, который делится с нами:

— Я теперь думаю, что нам в жизни судят! Лучшее, что мы сделаем! Или худшее, чего мы сделаем! Я говорю так: худшее — это наш прокурор. Лучшее — это наш адвокат. И что? Вещью нами — суд! Ну нет... Лучшим можно гордиться, а за худшее — отвечать...

Посетитель, тверд во мнении: на должно быть никаких спиваемый минусов на плюсы, не бывает нравственной арифметики! За хорошее — награда, за плохое — ответ, причем не столько словесным покаянием, а поступком — творением индивидуальной воли человека.

Другое дело, способен ли человек его созвездия, разбудить свою убитуюханую совесть. Не каждому это под силу. Разошлись мнения и у автора пьесы В. Дозорцева с режиссером спектакля В. Маслюком по поводу наличия таких потенциалов у главного героя. Конечно же произведенный развал. Литератор показывает своего персонажа как шагнувшего а себя силы вернуться и себя самому — лучшему. Режиссер не верит, что этот человек, отдавший себя а лапы этической беспричинности, а состоянии повернуть свою жизнь, построить ее по-новому.

Но в чем солидарны режиссер и автор — это в страстном стремлении убедить зрителей в необходимости включиться, «научиться преодолеть сопротивление подобного материала». Потому что сам процесс преодоления недостатков имеет громадное воспитательное действие, заставляет, требует причастности и перестройки общества. Не случайно посетитель, как он сам говорит, «не написал телегу в инстанцию», а добровольно ведет трудное, непростое расследование, неоднократно подчеркивая, что правда, истина всегда, во все времена добывались борьбой и требовали особого мужества.

Позиция посетителя выглядит контрпунктом к довольно распространенному явлению, назовем его так: «сигнал» по почте, зачастую в анонимном порядке. Очень удобная форма! И вроде бы совершенно нечто, говорящее о собственной гражданственности, так сказать, «попосветили», и вместе с тем, не лишаясь душевного и прочего комфорта. Короче говоря, стал иллюстрацией и ироничному термину — «кухонная причастность», которую забывают дома, уходя на работу.

... Я только и слышу, говорят: зависит от усилий каждого... Каждый должен быть сознательным. Вернется со своим! Каждый должен! Каждый должен! Я только это и слышу. Обижен, или приспосабли? А нет! Вы не читали? Не слышали? Вы сами не говорили!... — вот с такими вопросами обращается к нам посетитель.

Ключ второй, или О законе больших чисел

Эта моральная теорема была сочинена давно, но интерпретировалась разного рода рационализаторами от нравственности не однажды. В пьесе и ней прибегает Ермаков по-мощия зам. министра, то самый человек, сбиваемый с которой у Казимиром нечеловеческой силой, и в итоге не позволив усталости от

там дальше — они один. Кого будешь спасать? Это, знаете, у вас там, а девятнадцатом веке, людей было мало и можно было подухать о каждой живой душе. А у вас, в двадцатом, по одному не токут... Мы живем дело с массами... Да, шал Грачовина (полковой журналист — И. Г.). Но еще больше жаль тех, кто стоит в очереди на стол. Нам нужен конвейер, который сможет спасти сотни людей. А пошла бы статья, кто бы с нами после этого разговаривал?

Время течет, изменяет действительность. На дворе двадцатый век, век НТР. А это значит, что целый ряд нравственных категорий и критериев становится все более актуальными по сравнению с девятнадцатым веком, к ним привносится внимание общества, велика в них его заинтересованность: роль конкретных знаний, рациональных действий, умения мобильно перестроиться а такт быстро меняющимся технологиям. Этого рода людские качества ценятся особо. Однако естественная перестройка не означает того, что изменились нравственные, этические законы, по которым жил и продолжает жить человек.

Альберт Эйнштейн в своей статье, посвященной памяти Марии Кюри, говорил о непреходящей ценности нравственной жизни: «Моральные качества выдающейся личности (это необходимо отнест и к любому человеку — И. Г.) имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения».

Быть нравственным, а значит иметь соотносить следование идеалам с достижением конкретных практических целей — задача не из простых, поскольку не для каждого. Вот и появляются асческие творческие зачатки, сочиняющие рационалистиче, которым выгодно подстраиваться и требованиям времени, чтобы маскировать перед людьми симптомы серьезной болезни, диагноз которой у Казимиром нечеловеческой силой, и в итоге не позволив усталости от